

Г.В. КИСЕЛЕВ КАК АРХЕОГРАФ И ТЕКСТОЛОГ*

Своеобразным камертоном, по которому можно, на наш взгляд, оценивать археографически-текстологическую деятельность Геннадия Васильевича Киселева (1931–2008), служит высказывание о нем известного белорусского (и российского) историка, источниковеда, археографа Н.Н. Улащика, входившего в состав Группы по изданию Полного собрания русских летописей едва ли не с самого начала ее функционирования. Во многом благодаря его усилиям увидели свет в составе этого знаменитого издания 32-й и 35-й тома, укомплектованные белорусско-литовскими летописями¹. Те, кто знал ученого лично или по его работам, не могут не отметить, что он был достаточно скуп на похвалы и в то же время не жалел критических стрел по адресу явной халтуры (будь то аналитические исследования, или археографические публикации), не подразделяя коллег по историческому ремеслу на “своих” и “чужих”, когда дело касалось настоящей науки. Так вот, готовя второй выпуск своих “Очерков по археографии и источниковедению истории Белоруссии”² и анализируя в них ряд документальных сборников по истории белорусской литературы, которые подготовил Г.В. Киселев, Н.Н. Улащик писал: “Безусловно, из всех публикаций Белоруссии как в послевоенный период так и вообще, сборники, выпущенные Г.В. Киселевым, являются самыми лучшими; они стоят на высоте тех требований, которые предъявляются к археографическим изданиям нашего времени”³. К этой оценке, которая, на наш взгляд, дорогого стоит, мы еще вернемся.

Говоря об археографически-текстологической деятельности Г.В. Киселева, следует прежде всего отметить, что в его лице счастливым образом сочетались лучшие качества и археографа, и текстолога, а это в очередной раз подтверждает, что специальные историческая дисциплина археография и историко-филологическая текстология – “родные сестры”.

Ему, воспитаннику Московского историко-архивного института (в 1953 г. он закончил Институт и был по распределению направлен в Архивное управление Литвы), который в числе прочих готовил и специа-

* В основе статьи – доклад на IX архивных чтениях, состоявшихся 11 октября 2011 г. в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства и посвященных 80-летию со дня рождения Г.В. Киселева.

¹ Подробнее о нем см.: Мікалай Мікалаевіч Улашчык: біябібліягр. паказ. 2-е выд., перепрац. і дап. Мінск, 2006.

² К сожалению, они так и остались незавершенными и только благодаря усилиям В.В. Скалабана (1946–2011) хотя бы в таком виде дошли до читателя.

³ Улашчык М. Працы па археографіі і крыніцазнаўству гісторыі Беларусі: 3 рукапіснай спадчыны. Мінск, 1999. С. 106. (Труды по археографии и источниковедению истории Беларуси: Из рукописного наследия).

листов-археографов, было хорошо известно высказывание выдающегося русского археографа первой четверти XIX в. П.М. Строева о том, что собирание, описание и издание рукописей “не есть дело известное всякому; оно есть наука, имеет свои правила и требует познаний разнообразных и многочисленных”⁴.

С другой стороны, Г.В. Киселев не мог не обратить внимания и на изданное в начале 1960-х годов своеобразное практическое руководство по текстологии академика Д.С. Лихачева, в котором автор утверждал: “Текстология – наука. Она имеет... самостоятельный предмет изучения – историю текста произведений... Она остается филологической даже тогда, когда изучает историю текстов исторических источников (летописей, копийных книг, революционных прокламаций и пр.)”⁵.

На наш взгляд, именно квинтэссенция данного пособия – “Сперва изучить историю текста и потом издавать, а не сперва издавать, а потом по этому изданию изучать историю текста произведения!” – стала главным принципом в научной и практической деятельности Г.В. Киселева-археографа и текстолога.

Одним из первых серьезных подступов начинающего археографа к практической археографии (если не считать “традиционно-обязательного” в условиях того времени сборника документов и материалов “Революция 1905–1907 гг. в Литве” (Вильнюс, 1961), стало его участие в реализации международного археографического проекта, носившего юбилейный характер (имеется в виду советско-польское документальное издание “Восстание 1863 г.”). Как известно, к нему приступили в соответствии с соглашением о научном сотрудничестве между академиями наук Советского Союза и Польской Народной Республики, подписанным 28 марта 1957 г.⁶

Для методического обеспечения подготовки “белорусско-литовских” сборников этой серии (“Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг.” (М., 1964); “Восстание в Литве и Белоруссии в 1863–1864 гг.” (М., 1965) Архивному отделу Литовской ССР, где в то время в качестве старшего научного сотрудника работал Г.В. Киселев, было предложено весной 1960 г. сформулировать замечания по подготовке документов и составить инструкцию по их археографической обработке. Подготовка последней была поручена Киселеву, возглавлявшему группу составителей сборников.

В июне 1961 г. документ был подготовлен и утвержден в качестве “руководства при подготовке томов серии”. В основу инструкции, или Памятки по археографической обработке документов серии сборников “Восстание 1863 года” (именно такое официальное название, против которого

⁴ Цит. по: Из речи П.М. Строева на заседании Московского общества истории и древностей русских о необходимости археографической экспедиции, 14 июня 1823 г. // Хрестоматия по археографии: Пособие для студентов Московского государственного историко-архивного института / сост.: Е.И. Тальман, Д.М. Эпштейн; ред. Г.Д. Костомаров. М., 1955. С. 145.

⁵ Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк. 2-е изд. М., 2006. С. 12.

⁶ Подробнее об этом см.: Миллер И.С. “Восстание 1863 года”: (Об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов) // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 36–47.

возражал Киселев⁷, она получила) составитель положил “Правила издания исторических документов” 1955 г., творчески адаптировав их к подготавливаемой публикации⁸.

Так, в отличие от Правил, которые вначале излагали текстологические аспекты, Киселев шел от практики эдиционной работы: первый раздел Памятки он посвятил составлению заголовков, второй – передаче текстов и последний – легендам. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что документ не перегружен излишней информацией, чем, к сожалению, порой грешат современные, особенно начинающие археографы⁹. Примеры, которые приводил составитель, были выразительными и предусматривали ответы на вопросы, с которыми могли столкнуться практики-археографы не только конкретного издания, на которое была нацелена Памятка. Кроме того, составитель подчеркивал, что в археографии не может быть “мелочей”: даже пунктуация может иметь большое значение для правильного понимания содержания того или иного документа! Уже в этом первом археографическом опыте Г.В. Киселев демонстрирует не только свои археографически-текстологические способности, но и заявляет о себе как об источниковеде, историографе и даже специалисте в области дипломатики, кстати говоря, той сферы, которая до сих пор остается наиболее слабым звеном в исторической науке Беларуси¹⁰.

Примером источниковедческого анализа может служить прием датирования документов, который приводит Г.В. Киселев: “При установлении приблизительной даты, – пишет он, – желательно определить двусторонние хронологические рамки. Например, для документа, подписанного М.Н. Муравьевым, в котором говорится как о живом Б. Колышко, такими рамками будут: 1863. мая не ранее 13 – не позднее 28 (*прим. док.: Датировано*

⁷ Причиной возражения являлось небезосновательное предположение составителя, что при таком названии может возникнуть путаница с согласованным к этому времени советско-польской смешанной комиссией аналогичным документом методического характера, носившем примерно такое же название, а именно – “Памяткой о порядке подготовки публикации”.

⁸ Подробнее об этом см.: Из истории подготовки международных археографических публикаций (Методические рекомендации по археографической обработке документов серии сборников “Восстание 1863 г.” / публ. М.Ф. Шумейко // Беларускі археографічны штогоднік (Белорусский археографический ежегодник, далее БАШ). Минск, 2010. Вып. 11. С. 273–291.

⁹ На это, в частности, обращали внимание составителя “Метадычных рэкамендацый па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII стст.; перыяд Вялікага княства Літоўскага) (Мінск, 2003. 168 с.) научные сотрудники Национального исторического архива Беларуси А.Н. Латушкин и Д.Л. Яцкевич в статье под весьма выразительным названием “Малоприспособленные для практического использования рекомендации” (на бел. яз.), (БАШ. Минск, 2003. Вып. 4. С. 310–318). Она вызвала полемику; составитель рекомендаций откликнулся статьей, в которой обвинил своих оппонентов в некомпетентности (См.: *Груша А. “Малоприспособленные” рекомендации или мало-подготовленные рецензенты?* (на бел. яз.) // Беларускі гістарычны агляд. Менск, 2003 Т. 10. сшыткі 1/2 (18/19). Снежань (Белорусский исторический обзор. Т. 10. Тетради 1/2. Декабрь 2003). С. 201–227.

¹⁰ На это обстоятельство вполне справедливо указывали составители “Методических рекомендаций по изданию и описанию Литовской метрики” (Вильнюс, 1985) С.М. Каштанов и А.Л. Хорошкевич. Несмотря на прошедшие четверть века со времени издания рекомендаций, ситуация с изучением дипломатики в Беларуси мало изменилась.

по подписи М. Муравьева, вступившего в должность генерал-губернатора 13 мая 1863 г. и по упоминанию Б. Колышко, казненого 28 мая 1863 г.)¹¹.

Отмечая некоторые детали археографического оформления сборника “Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг.”, Г.В. Киселев обращает внимание на нецелесообразность пользоваться терминами, которые, по его мнению, не отвечают сложности и противоречивости событий, имевших место в белорусских и литовских губерниях Российской империи в 1860-е годы: «К гимнам, которые пелись в 1861–62 гг. в Литве и Белоруссии, мы применяем в основном термин “запрещенные гимны” или “запрещенный гимн”. Другие возможные обозначения: “революционный”, “патриотический”, “польский патриотический” – считаем хуже, потому что “патриотический” вызывает дополнительные вопросы, а “революционный” и “польский патриотический” не соответствуют сложности событий»¹².

Нельзя заниматься модернизацией, подновлением названий документов, утверждает в Памятке Г.В. Киселев; самоназвание документа – вот главный критерий отнесения его к тому, либо другому виду: “При определении разновидности документа следует исходить из классификации документов данного периода. Для эпохи 60-х годов характерны: рапорты, донесения, уведомления (но не сообщения), предписания (но не указания), отношения, воззвания, приказы, указы, прошения (но не заявления), циркуляры, письма и т.д. При этом следует учитывать, как называет себя сам документ”¹³.

Анализируя эдиционную деятельность Г.В. Киселева, нельзя не обратить внимания и еще на одну ее сторону, касающуюся археографическо-текстологической этики. Специально он нигде не затрагивал этой темы, однако вся его практическая деятельность в области археографии, равно как и текстологии, может служить примером того, как следует относиться к так называемой интеллектуальной собственности в сфере археографии (а также и текстологии).

Действительно, проблема этой собственности как в области археографии, так и текстологии, остается самой неразработанной и не определенной. Тысячу раз прав нынешний председатель Археографической комиссии, член-корреспондент РАН С.М. Каштанов, утверждающий, что «ни у кого нет официальных и исключительных прав на издание тех или иных источников (такое право было в свое время у ИМЛ в отношении документов “классиков марксизма-ленинизма”). Право в этой сфере заменяется моралью. Каждый старается издать то, что ему понравилось, часто совершенно не считаясь с тем, что другие исследователи занимались теми же документами и тоже хотели бы “приложить руку” к их публикации»¹⁴.

Продолжая данную тему, С.М. Каштанов совершенно правильно пишет, что избежать “археографического” (от себя добавим и текстологического также) пиратства нельзя без морально-этического “самосовершенствования археографов”. Безусловно, моральное право на публикацию тех или иных видов документов имеют те, кто их нашел или те, кто лучше других владеет проблемой, которая отражена в этих самых документах.

¹¹ Цит. по: БАШ. Вып. 11. С. 280.

¹² Там же. С. 290.

¹³ Там же. С. 280.

¹⁴ Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998. С. 289.

Обратившись к библиографии работ Г.В. Киселева, найдем ли мы там публикации документов, не касавшихся истории белорусской литературы XIX – начала XX в., событий восстания 1863 г., личности одного из его руководителей – Кастуся Калиновского? Ответ на этот вопрос будет во всех случаях отрицательным. Это совершенно не свидетельствует об ограниченности его научной тематики: дело, на наш взгляд, в другом. Нам представляется, что Геннадий Васильевич был последовательным противником той “всеядности”, которой порой болеют современные “исследователи”.

Кто, как не он, лучше других знавший личность К. Калиновского и все, что с ней связано, мог взяться за подготовку сборника его произведений, документов и материалов, рассчитывая при этом на успех такого издания? Отсюда действительно классической археографической публикацией произведений и документов знаменитого революционера-демократа, публициста, поэта и мыслителя стала книга, подготовленная Г.В. Киселевым¹⁵. Она выгодно отличается от аналогичных, предшествовавших ей изданий, которые появлялись еще в БССР и составители которых находились под сильным идеологическим влиянием прежде всего со стороны руководящих органов коммунистической партии. Однако (и в этом проявляется настоящая тактичность Г.В. Киселева-ученого), когда появилась возможность более или менее объективно оценить политические взгляды К. Калиновского, что не могло не найти отражения в соответствующих комментариях к публикуемым документам белорусского революционера-демократа, он не подвергает ostracism своим предшественников по археографическо-текстологическому цеху, зная, в каких условиях приходилось им работать над подготовкой произведений Калиновского.

Именно этим объясняет он недочеты изданной в 1988 г. книги “Кастусь Калиновский: Из печатного и рукописного наследия” в статье, посвященной публикации творческого наследия революционера-демократа¹⁶. Заканчивая статью, Г.В. Киселев пишет, что проблема авторской книги Калиновского, более-менее полного собрания его сочинений и документов еще не решена. Наряду с такой книгой он считает целесообразным подготовить и “более полный сборник документов и материалов о жизни и деятельности революционера”¹⁷. И, как выше уже отмечалось, буквально через три года такой сборник увидел свет, по праву став настольной книгой для настоящих калиновсковедов и образцом для современных археографов и текстологов.

В заключение коротко остановимся на сугубо текстологической деятельности Г.В. Киселева, хотя и носившей значительный “археографический налет”. Мы имеем в виду те документальные сборники об истории белорусской литературы, которые готовились Г.В. Киселевым в качестве научного сотрудника Института языка и литературы им. Якуба Коласа и

¹⁵ *Каліноўскі К.* За нашу вольнасць: Творы, дакументы / уклад, прадм., паслясл. і камент. Г. Кісялёва. Мінск, 1999. Подробнее о ней см.: *Шумейко М.Ф.* Новое серийное издание в Белоруссии // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 32–38.

¹⁶ См.: *Киселев Г.В.* К истории публикации творческого наследия К. Калиновского // Русь–Литва–Беларусь: Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. По материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н.Н. Улащика (Москва, 31 января 1966 г.). М., 1997. С. 138.

¹⁷ Там же. С. 139.

Янки Купалы НАН Беларусі¹⁸ (им он стал в 1971 г., переехав из Вильнюса в Минск).

Возвращаясь к высоким оценкам этих сборников, данных Н.Н. Улащиком, отметим, что причину их успеха последний связывал с глубоким знанием составителем материала, который он публиковал, а также эпохи, в которую они создавались, их авторов. Разумеется, не последнюю роль играла и базовая подготовка Киселева-архивиста и археографа. Последняя давала ему возможность вести целенаправленный поиск документов и материалов как в белорусских, так и в зарубежных архивах, рукописных отделах библиотек и музеев.

“Сборник, потребовавший от своего составителя многих лет упорной работы, является самым лучшим из всех археографических изданий, вышедших в Белоруссии и может служить образцом для всех изданий подобного рода” – так характеризовал сборник “Пачынальнікі” (“Зачинатели”), который увидел свет в 1977 г., Н.Н. Улащик. Он возник, как очень удачно и образно выразился современник Киселева – А.И. Мальдис – из добротных “осколков”, которые появились в процессе реставрации прошлого и “стал настольной книгой многих молодых последователей незабронзовелого мэтра и живой легенды”¹⁹. Действительно, этот сборник без всякого преувеличения стал своего рода литературной энциклопедией Беларуси XIX в. Впечатляет в нем масштаб одного только именного указателя: он насчитывает более полутора тысяч фамилий, к которым составителем написано несколько тысяч примечаний.

С изданием в 1981 г. сборника “Пуцявінамі Янкі Купалы” (“Путями Янки Купалы”) исследователи белорусской литературы получили возможность знакомиться с точными текстами белорусского Песняра. На таком же высоком уровне стоял и сборник “З жыццяпісу Якуба Коласа” (“Из жизнеописания Якуба Коласа”), подготовленный Г.В. Киселевым и увидевший свет в следующем, 1982 г. Эти издания, по мнению выше упоминавшегося А.И. Мальдиса, стали своего рода ответом “литературным глубококопателям” на недостаточное документальное обеспечение двух наипервейших, классических литературных личностей, но уже XX в.

Таким образом, подводя итоги археографически–текстологической деятельности Г.В. Киселева, следует отметить, что она сыграла важную роль в расширении и углублении источниковой базы для изучения белорусской истории, литературы, культуры в целом. Она содействовала формированию, развитию и внедрению среди историков, литературоведов, архивистов Беларуси археографически-текстологической культуры. Во многом благодаря практической и научно-методической деятельности ученого начал складываться и крепнуть так необходимый союз археографов и текстологов. Его результаты уже проявились на примере изданий в республике полных собраний сочинений классиков белорусской литературы, к подготовке которых помимо литературоведов-текстологов привлекались и архивисты-археографы.

¹⁸ Мы приводим нынешнее название академического института, несколько отличное от того, которое он имел в 1970-е годы.

¹⁹ *Мальдзіс А.* Кніга першая – кніга апошняя // Кісялёў Г. Сейбіты вечнага: артыкулы пра беларускіх пісьменнікаў і дзеячаў рэвалюцыйнага руху 1863 года; Скарынаўская сімволіка: вытокі, традыцыі, інтэрпрэтацыі. Мінск, 2009. С. 5.